

Кризис постмодернизма и потеря устойчивой идентичности

В.А. Емелин

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Поступила 30 марта 2017/ Принята к публикации: 12 апреля 2017

The postmodern crisis and the loss of stable identity

Vadim A. Emelin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Received March 30, 2017 / Accepted for publication: April 12, 2017

В статье обосновывается положение о том, что, выступая в качестве мировоззрения информационного общества, постмодернизм одновременно является отражением его проблем, в качестве основной из которых выделяется размытие идентичности человека. Наиболее уязвимое место идеологии постмодернизма – имплицитная неспособность создавать устойчивые модели идентификации. Этому препятствуют специфические идеи, связанные с основополагающим принципом постмодернизма – плюрализмом, приводящим к релятивизму и утрате устойчивых ориентиров. Радикальная реализация принципа плюрализма и, как следствие, культивирования неограниченного выбора, является не достижением информационного общества и постмодерной культуры, а его основной проблемой. Обсуждаются социально-политические следствия идей толерантности и равнозначности мнений, позиций и ценностей. Отсутствие предпочтительных векторов самоидентификации снижают мотивацию формирования индивидом устойчивой личностной идентичности. Если ни одна парадигма, с точки зрения истинности, не может претендовать на выделенный статус, то споры по поводу притязаний на значимость превращаются в споры по поводу власти, тем самым порождая социал-дарвинизм. Принцип плюрализма фактически легитимирует и радикальные идеологии, предельной из которых является современный терроризм, оказывающийся в мозаичном и мультикультурном постмодерном мире одной из множества социокультурных парадигм. Именно в кризисе идентичности в условиях массового распространения и военных, и информационных технологий усматривается главная причина радикализма как результата обретения патологических форм когнитивно-личностной идентичности. Социокультурные и мировоззренческие кризисы информационного общества становятся основной причиной формирования ригидных и диффузных моделей идентификации личности.

Ключевые слова: идентичность, информационное общество, постмодерная культура, постмодернистское мировоззрение, плюрализм, радикализм, формирование идентичности.

The paper proves the assumption that being a worldview of the information society postmodernism simultaneously reverberates its problems, among which is blurring personal identity. The most vulnerable part of the postmodern ideology is the implicit inability to construct steady architecture of identification. This is hampered by specific ideas related to the fundamental principle of postmodernism, i.e. pluralism leading to relativism and the loss of sustainable landmarks. Applying the pluralism principle to the full may result in unlimited choice production, which should not be considered the achievement of the information society and postmodern culture, but its main problem. The social political consequences of tolerance issues and the equivalence of opinions, attitudes and values are discussed. Lack of preferred self-identification vectors reduces the motivation for the individual to develop a stable personal identity. If no paradigm in terms of the truth can claim a given status disputes over claims of significance turn into controversies over power, thereby generating social Darwinism. The principle of pluralism actually legitimizes radical ideologies, whose extreme form is terrorism put in the mosaic and multicultural postmodern world occurs to be one of many sociocultural paradigms. Exactly the identity crisis in the conditions of mass distribution of both military and information technologies is considered the main cause of radicalism as the result of finding pathological forms of cognitive personal identity. Social cultural and worldview crises of the information society are becoming the main cause for producing enduring and irregular forms of personal identity architecture.

Keywords: identity, information society, postmodern culture, postmodern worldview, pluralism, radicalism, identity development.

Мы потеряли устойчивость, которая давала возможность жить, – мы некоторое время не в силах сообразить, куда нам направиться.

Фридрих Ницше

Об идентичности вспоминают тогда, когда нет уверенности в своей принадлежности, ... когда человек не может с уверенностью определить свое место в многообразии поведенческих стилей и шаблонов.

Зигмунд Бауман

За все время своего существования в качестве мировоззренческой концепции постмодернизм вызывал по отношению к себе широкий спектр противоречивых мнений – начиная от полного отрицания существования этого социокультурного явления и заканчивая попытками тотальной «постмодернизации» всего общества. Нельзя не признать, что постмодернистское мировоззрение в настоящее время находится в кризисном состоянии, сам постмодернизм воспринимается многими как умозрительная конструкция, неоправданно растрогаиваемая философами и литературоведами, а многие его критики констатируют смерть постмодернистской идеологии, при этом, не предлагая сколь-нибудь внятной позитивной альтернативы. На самом деле позиция негативного отрицания не решает тех проблем общества и культуры, которые стремилась фиксировать и осмысливать идеология постмодернизма.

ного типа в условиях развивающегося информационного общества. Это зеркальное изображение лица современного общества, на которое просто бессмысленно злиться, даже если оно и кривое. Это не более чем понятие, которым обозначили трансформацию восприятия окружающей действительности, произошедшую после разочарования в идеалах прогресса. Вопрос о приемлемости или неприемлемости постмодернизма следует перевести в другую плоскость – а именно, выявить, какие тенденции преобладают в сегодняшних постмодернистских концепциях, и на основании этого оценить дальнейшие перспективы развития постмодерна. Можно долго рассуждать, насколько удачен или неудачен термин «постмодернизм», но использование его для обозначения мировоззрения информационного общества, фиксации социокультурных реалий и отражения специфики трансформации идентичности позволит оценить

Современный постмодернизм представляет собой специфическое мировоззрение информационного общества, отличительной чертой которого является плюрализм, т.е. допущение одновременного сосуществования разнообразных точек зрения (Емелин, 2010). В плюрализме заключается сама суть постмодернизма. Он же и его «ахиллесова пята».

Многие аспекты уязвимости постмодерна связывают с тем, что его мировоззрение не является универсальной системой координат для общества в целом. Степень его распространения ограничивается наличием доступа к информационным ресурсам. Тем не менее, в настоящее время практически не остается мест, неохваченных информационным полем. Развитие телевидения, интернета, сетей мобильной связи становится фактором, свидетельствующем о вхождении информационной культуры в жизнь основной массы населения и изменении идентичности под влиянием технологического прогресса. Если раньше для выхода за рамки сложившихся моделей идентификации было необходимо приложение особых, выходящих за рамки универсума усилий, то использование современных электронных гаджетов предельно упрощает выбор ролевой модели. Обратной стороной легкости достижения новой модели идентификации является отсутствие культурного и экзистенциального опыта использования средств, давших новые возможности.

Поэтому не стоит утверждать, что с приходом информационных технологий, порожденных культурой западного типа, сразу и повсеместно начинается постмодернизм. В современном состоянии постмодернизм приемлемее рассматривать не как нечто жестко обусловленное, раз и навсегда обретенное, а как совокупность определенных тенден-

Постмодернизм – это реакция на кризис идентичности культуры западного типа в условиях развивающегося информационного общества. Это зеркальное изображение лица современного общества, на которое просто бессмысленно злиться, даже если оно и кривое. Это не более чем понятие, которым обозначили трансформацию восприятия окружающей действительности, произошедшую после разочарования в идеалах прогресса

Постмодернизм – это реакция на кризис идентичности культуры запад-

его будущие перспективы или же последствия их отсутствия.

Вадим Анатольевич Емелин –

кандидат философских наук,
доцент факультета психологии
МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: emelin@mail.ru

ций, как некий вектор развития, причем, не бесспорно верный, а, скорее, проблемный. Формирование постмодернистского мировоззрения – это длительный процесс, начавшийся в конце шестидесятых годов прошлого века и не завершившийся до сих пор. Причем процесс далеко не однозначный, разноплановый, вызывающий самые противоречивые оценки и споры, что, собственно и говоря, характерно для постмодернистского сознания. «В создании концепции постмодернизма участвуют литераторы, философы, архитекторы, социологи, искусствоведы и даже религиозные деятели, все они, скрещивая и противопоставляя, порой парадоксальным образом, самые различные области гуманитарных знаний, пытаются в эклектической пестроте новейшей культуры установить «сложнейший порядок “хаоса”» (Юрасовская, 1995, С. 27). Постмодернистский дискурс постепенно охватывает социокультурное пространство модерна, и в этом нет ничего плохого. Как отмечал Вольфганг Велш, «постмодерн – это не антимодерн, ибо он включает в себя модерн» (Велш, 1995, С. 127). Но включает он его наряду с другими парадигмами, ни одна из которых не является привилегированной, и все они находятся в состоянии непрекращающейся конкуренции.

Типичные представления о постмодернизме как произвольной мешанине разнородных элементов: либидо, экономики, цифири, цинизма, электроники и восточной мистики, указывающих на пришествие новой эры и Апокалипсиса сразу и в одном обличии, категорически отметил В. Велш, называя ее ложной формой, кашей, в которой становится все одинаковым, а плюрализм как раз испаряется (Welsch, 1998). Результат такого подхода гораздо ближе к унифицирующим тенденциям модернизма, чем к подлинному постмодернизму. Постмодернизм не следует отождествлять с иррационализмом, он остается рациональным знанием, имеющим свои исходные принципы, методы и подходы. Его нельзя редуцировать до уровня эклектизма, который характеризуется Лиотаром как «нулевая степень всеобщей культуры наших дней» (Лиотар, 1995, С. 175). Когда-то Мартин Лютер сказал: я здесь стою и не могу иначе. Одо Марквард пере-

фразировал эту мысль следующим образом: я здесь стою, а могу как угодно. Но все же, постмодернизм – это дело серьезное, а не как угодно и что угодно, это объективная реакция на проблемность самоидентификации человека в условиях стремительно трансформирующего-

В современном состоянии постмодернизм приемлемее рассматривать не как нечто жестко обусловленное, раз и навсегда обретенное, а как совокупность определенных тенденций, как некий вектор развития, причем, не бесспорно верный, а, скорее, проблемный. Формирование постмодернистского мировоззрения – это длительный процесс, начавшийся в конце шестидесятых годов прошлого века и не завершившийся до сих пор

ся информационного общества, пусть и обозначенная не самым удачным термином. И если постмодернизм и нацелен на соединение различных точек зрения, стилей, походов и концепций, то это следует понимать скорее как попытку сложить своеобразный коллаж из всего наиболее значимого, что присутствует в предшествующей и настоящей культуре.

Проблема состоит в том, что освобождение от дискредитированной идентичности «метарассказов» модерна не дало новых, устойчивых ориентиров для дальнейшего пути. В итоге на смену радости деконструкции идентичностей модернизма пришло вновь состояние разочарования. Освободившись от фиксированных моделей идентификации, индивид информационного общества лишился компаса, показывающего направление пути, и стал подобен флюгеру, вращающемуся по воле ветра. «Освобождение права и наслаждения неотвратимо ведет к освобождению преступления (это очень хорошо понимал маркиз де Сад, чего ему так никогда и не простили)» (Бодрийяр, 2012, С. 161).

Обсуждая проблемное поле постмодернизма, Е. Турбина отмечает, что метафизическая неразбериха, отсутствие консенсуса, причисление к искусству того, что никогда к нему не относилось – признак переходной эпохи. По ее мнению, новому образу мира, объясняющему, к чему переходит «постсовременность», еще предстоит сложиться и, если это произойдет, то только тогда этот образ получит свое символическое и метафизическое воплощение (Турбина, 1993). Даже сам термин «постмодерн» не избежал дальнейшей «постмодернизации». Пред-

принимались попытки ввести в обиход термин «постпостмодернизм», под которым понимался опять же достаточно широкий спектр вариантов таких, как новая форма эстетики технообразов и виртуальной реальности (Маньковская, 1999) или конец «героического» периода пост-

модернизма и переход к «мирной жизни» (Курицын, 1997), или же очередной этап развития эпохи «постмодерности» (Эпштейн, 1996). Введение производных от терминов и без того малосодержательных – не самый конструктивный ход в выявлении реальных кризисных проблем постмодерного мира. Таким образом, анализ сегодняшнего кризисного состояния постмодерной мысли приводит к выводу не только о его незавершенности. «В культуре информационного общества эсхатологические культурные тексты в стиле “фукуяма”, несущие в заголовках слово “конец” (“конец истории”, “конец цивилизации”, “конец времени” и т.п.), воспринимаются не как физическое завершение феноменов, а как вопрос “Что дальше?”. Что наступает: пост, нео-, транс-, контр-, анти-? В таких попытках описать виртуализированную реальность проступает вневременность вечности. Клиппериоды поствремения и постпространства перемежаются клиппериодами неовремени и неопространства, многократно реплицируемые в многочисленных вневременных и внепространственных сетевых сообществах, тысячами возникающих и гибнущих ежедневно» (Соловьев, 2009, С. 53).

Возможности выхода из кризиса и перспективы дальнейшего развития связаны с решением внутренних противоречий постмодернистских теорий. Основные из них вытекают из самой сути постмодернизма – принципа плюрализма, порождающего эрозию ценностей, проблему трудности выбора в условиях постулируемой плюрализмом равнозначности, проблему выработки устойчивых ориентиров и моделей идентификации

в гетерогенном и фрагментарном мире. Также немаловажна проблема сохранения общегуманистических ценностей в условиях тотального и стремительного распространения новейших технологий и, как результат, технологизации человеческой жизни. От решения этих принципиальных вопросов во многом зависит не только будущее идей постмодерна, но и сохранение устойчивой идентичности человека информационного общества.

Сохранить идентичность сложно, если на смену примата сверхценных и тоталитаризирующих мир идей приходит тотальность плюрального обесценивания. Пророчества позднего Бодрийера, взявшего на себя роль онколога тяжело больной культуры постмодерна, мрачны. Его видение информационного капитализма было онко-клиническим, это он подчеркивал во многих своих работах, употребляя сравнения злокачественных поражений общества с раком. «Идеи и ценности (прогресса, богатства, демократии и пр.) утрачивают свой смысл, но их воспроизводство продолжается и становится все более совершенным. Они расползаются по миру, как метастазы опухоли, и проникают везде, просачиваясь и друг в друга. Секс, политика, экономика, спорт и т.д. теперь присутствуют везде, и, значит, нигде. Политика сексуальна, бизнес – это спорт, экономика неотличима от политики и т.д. Ценности больше невозможно идентифицировать, культура стала транскulturой, политика – трансполитикой, сексуальность – транссексуальностью, экономика – трансэкономикой. Все подверглось “радикальному извращению” и погрузилось в ад воспроизводства, в “ад того же самого» (Галкин, 2002, С. 117). Все смешалось, большие клетки со здоровыми, живое тело с искусственными органами и инородными вкраплениями имплантатов, половой акт с чашечкой Петри, запахи с дезодорантами. В этом толерантном и плюралистичном транспостмодернизме исчезает грань между поверхностью и глубиной, между верхом и низом, между правым и левым, между действительностью и виртуальностью, между действием и симуляцией. Есть ли смысл говорить о грани добра и зла, в мире высокотехнологичных метастаз? «Мягкий постмодернистский тезис о том, что вертикаль

– это горизонталь, а горизонталь, на самом деле, – вертикаль, что все культуры равноправны и равнокачественны независимо от исторической традиции, экономической успешности и количественности, привел к террору меньшинств. Учебные программы американских университетов пересматриваются так, чтобы в них не доминировали белые здоровые мужчины. Часы, отведенные, скажем, Льву Толстому делятся на пять частей: одну оставляют Толстому, другие раздают несправедливо неизвестным классикам разных племен и сексуальных ориентаций. Известный анекдот – “Следующим президентом США будет одноногая ВИЧ-инфицированная темнокожая лесбиянка”, – показывает, как далеко зашло дело. Кроме того, идеи политкорректности способны снижать и уровень самого “теоретического рынка”. Так случилось, например, с феминистским движением, которое сплошь и рядом порождает слабую и скучную теорию, слабую литературу, слабое искусство. Главная ценность этого движения в том, что оно “правильное”. На краях идей политической корректности возможны, наверное, неожиданно оригинальные и сильные эксперименты, такие как, например, проект “Партии Животных” Олега Кулика, предполагающий борьбу за политические и экономические права животных. Почему мухе, снимаемой в научно-популярном сериале и демонстрируемой после телеаудитории, не выплачивается гонорар?!» (Кудряшов и др., URL: http://www.33plus1.ru/Decor/Fine_Monumental_Art/ARTICLE/KORPUS3.htm).

В целом, уже не так удивительно, что в некоторых городках Америки мэрами, то ли в шутку, то ли как знак разочарования в демократии или доведения ее плюрализма до абсурда, избраны животные. Градоправителями стали: кот Стаббс (Талкитна, Аляска), пес Боско (Сунол, Калифорния) и, даже, козел Генри Клей III (Лакхитас, штат Техас), а также еще парочка четвероногих друзей. Козел Генри, кстати, большой любитель пива, не просто политик, а представитель династии, правящей в Лакхитасе с 1986-го года, когда его дед был впервые избран на пост главы города (Пятерка животных ..., URL: <http://www.kukharski.net/interesting/pyaterka-zhivotnyx-merov>).

Удивительного и нового в этом давно уже нет. Вспомним коня Инцитата и его «политическую карьеру». Сначала Калигула сделал его гражданином Рима, затем сенатором, жрецом и, наконец, кандидатом на пост консула. Консулом Инцитату стать не удалось, не успел – Калигулу убили. Но, к слову, «воплощением всех богов» конь все-таки побывал, и к государственной присяге добавились слова «ради благополучия и удачи Инцитата». Легенды прошлого лишь оттеняют реальность настоящего, где безумное и безразличное смешение всего и вся стало практикой обыденного постмодернизма. Бодрийер описал это потоком метафор и аналогий с сексуальным подтекстом. В частности, по поводу избрания порнозвезды Чичиолины депутатом Бодрийер выбрал слова, которые, по сути, описывают саму ситуацию транспарентности зла, сопровождающегося адом распада иерархии ценностей: «постмодернистская порнография, если можно так выразиться, где сексуальность теряется в театральном излишестве своей двусмысленности. Вещи очень изменились с тех пор, как секс и политика составляли часть одного и того же разрушительного плана: если Чичиолина может быть сегодня избрана депутатом итальянского парламента, то именно потому, что транссексуальность и трансполитика объединяются в одном и том же ироничном безразличии. Такой результат – немыслимый всего несколько лет назад – свидетельствует о том, что не только сексуальная, но и политическая культура перешла на сторону маскарада» (Пятерка животных ..., URL: <http://www.kukharski.net/interesting/pyaterka-zhivotnyx-merov.html>). Да, и Рональд Рейген был актером, а Дональд Трамп остается блестящим шоуменом. Современная политика продолжает культивировать это лицедейство. Возьмем новую Украину, где кандидатом в президенты хотел выдвинуться сам Дарт Вейдер, а потом и наводчица Савченко, прославившаяся не только своими «подвигами», но и нахождением босиком в парламенте. Карнавал, лицедейство, маскарад, театр и агора, где нет Сократа и Перикла.

Следствием постмодернистского плюрализма становится парадоксальная, на первый взгляд, ситуация, оха-

рактированная Нассимом Талебом¹ как «диктатура меньшинства». Смысл заключается в следующем. «Непримиримому меньшинству определенного рода достаточно достичь ничтожно малого размера, скажем, трех или четырех процентов от всей популяции, чтобы популяция целиком подчинилась его желаниям. Мало того, дальше создается оптический обман: наивному наблюдателю кажется, что выбор по-прежнему зависит от предпочтений большинства» (Талеб, URL: <http://sputnikpigrom.com/society/59789/minority-wins/#.WAdPNmckqUk>). Талеб задается простым вопросом: почему большинство продуктов в Америке стали кошерными? «Сторонники кошерной пищи – это меньше трех десятых процента населения США. Но все напитки при этом кошерные. Почему? Потому что кошерный продукт позволяет производителю, продавцу и ресторатору не делать различий между кошерными и некошерными напитками и не беспокоиться о специальных символах, отдельных кранах, отдельных стойках, отдельных подсобках. Таким образом, простое правило, которое изменяет сумму слагаемых, вот: приверженец кошерного (или халяльного) не может есть некошерное, обычный человек может есть кошерное» (там же). Далее приводятся примеры, но в другом антураже: «Инвалид не сможет пользоваться туалетами для обычных людей, но обычный человек может пользоваться туалетами для инвалидов». «Человек, у которого аллергия на арахис, не может есть еду с арахисом, но человек без аллергии на арахис может есть продукты без арахиса». «Не факт, что автоматические коробки передач вытесняют с рынка ручные только потому, что большинство водителей предпочитает автоматику: возможно, дело просто в том, что человек, который привык к механике, может спокойно водить автомат, но не наоборот». Продолжая в этом духе, Талеб при-

водит еще один пример из этой серии, но уже несколько другого масштаба: «Законопослушный человек никогда не совершит преступление, преступник может заниматься легальными вещами». На этих примерах мы видим, как ценности непримиримого меньшинства незаметно становятся общезначимыми. А начинается все с малого, с признания, что любые права, традиции, обычаи, модели поведения не могут быть ни при каких условиях ограничены, даже, если они и идут в разрез с утвердившимся образом жизни большинства. Например, процент людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией, ничтожно мал². При этом, присутствие темы прав геев и лесбиянок в информационном пространстве несоизмеримо существенней. И речь не идет о консенсусе. «Моральные ценности общества формирует не эволюция консенсуса. Их навязывает самое нетерпимое меньшинство – именно благодаря своей нетерпимости. То же касается и гражданских прав» (там же).

При этом выработаны эффективные технологии навязывания власти меньшинства под знаком плюрализма, толерантности и прав человека. Подобные технологии получили название «Окна Овертона». Американский юрист Джозеф Овертон опроверг общепринятые представления о естественном ходе вещей, например, о том, что все прогрессивное человечество, как нам говорят, абсолютно естественным образом приняло геев, их субкультуру, их право заключать браки, усыновлять детей и пропагандировать свою сексуальную ориентацию в школах и детских садах. На деле все совсем не так. «Согласно Окну возможностей Овертона, для каждой идеи или проблемы в обществе существует т.н. окно возможностей. В пределах этого окна идею могут или не могут широко обсуждать, открыто поддерживать, пропагандировать, пытаться закрепить законодательно. Окно

двигают, меняя тем самым веер возможностей, от стадии «немыслимое», то есть совершенно чуждое общественной морали, полностью отвергаемое до стадии «актуальная политика», то есть уже широко обсужденное, принятое массовым сознанием и закрепленное в законах» (Горжалцан, URL: <http://zuhel.livejournal.com/465630.html>).

Например, как сделать невозможное, как легализовать одно из самых табуированных деяний – канибализм. Первое движение Окна Овертона – перевести тему канибализма из области немыслимого в область радикального. У нас ведь есть свобода слова. Ну, так почему бы не поговорить о канибализме? Непременно должно появиться в интернете какое-нибудь «Общество радикальных канибалов», которое заметят и процитируют во всех нужных СМИ. Следующим шагом будет перевод темы канибализма из радикальной области в область возможного. Нельзя отвернуться от факта канибализма, чтобы не прослыть ханжой или даже фашистом. На этой стадии продолжаем цитировать «ученых». Ведь нельзя же отворачиваться от знания? Про канибализм. Любой, кто откажется это обсуждать, должен быть заклеен как ханжа и лицемер. Затем обязательно нужно придумать канибализму элегантно название. Так канибализм превращается в антропофагию, а затем в антропофилию, подобно тому, как преступник меняет фамилию и паспорта. Далее «ученые» и журналисты доказывают, что человечество на протяжении всей своей истории время от времени поедало друг друга, и это нормально. Тема антропофилии переводится из области рационального в категорию популярного. Антропофилия массово проникает в новости и ток-шоу. Людей едят в кино широкого проката, в текстах песен и видеоклипах. Тема разогрета до возможности перевода ее из категории популярного в сферу актуальной политики. Начинается подготовка зако-

¹ Американский экономист, изучал влияния случайных и непредсказуемых событий на мировую экономику и биржевую торговлю.

² Считается, что наиболее представительный опрос в Австралии проводился в 2006 г. при помощи телефонного интервьюирования 19307 респондентов в возрасте от 16 до 59 лет в течение 2001/2002 годов. В этом исследовании обнаружено, что 97,4 % опрошенных австралийских мужчин самоидентифицировались как гетеросексуалы, 1,6 % – как гомосексуалы и 0,9 % – как бисексуалы. Среди опрошенных австралийских женщин 97,7 % самоидентифицировались как гетеросексуалки, 0,8 % – как лесбиянки и 1,4 % – как бисексуалки. Вместе с тем, в том же опросе 8,6 % мужчин и 15,1 % женщин отметили у себя либо наличие чувств и влечения к своему полу, либо наличие некоторого сексуального опыта с лицами своего пола. Половина мужчин и две трети женщин, имевшие некоторый сексуальный опыт со своим полом, считают себя гетеросексуальными, а не гомосексуальными или бисексуальными. См.: Sex in Australia: The Australian study of health and relationships, Australian Research Centre in Sex, Health and Society. (Published as the Australian and New Zealand Journal of Public Health vol 27 no 2.)

нодательной базы. Публикуются социологические опросы, якобы подтверждающие высокий процент сторонников легализации каннибализма. В общественное сознание вводят новую догму – «запрещение поедания людей запрещено».

В современном мире нельзя купить даже картофельные чипсы, не выбирая между печеными, жареными, обезжиренными, солеными или с вкусовыми наполнителями, разнообразие которых поражает: барбекю, батат, лук, перец и тому подобное. Мы живем в мире, наполненном вариантами выбора

«Это фирменное блюдо либерализма – толерантность как запрет на табу, запрет на исправление и предупреждение губительных для общества отклонений... Описанное Овертоном «Окно возможностей» легче всего движется в толерантном обществе. В том обществе, у которого нет идеалов и, как следствие, нет четкого разделения добра и зла» (там же). По сути, мы наблюдаем развенчание всех табу, которые лежали в основе культуры на протяжении тысячелетий и являлись ее скрепами. Так, в Норвегии в школьной программе вводится новый предмет – «инцест». Министр образования Инга Марте Тхурдкильдсен, заявила, что «в Норвегии существует социальная традиция – инцест, и мы должны решиться говорить об этом с детьми с первого класса» (Инцест – социальная традиция ..., URL: <http://www.rusfront.ru/5676-incest-socialnaya-tradiciya-norvegii.html>). Конечно, речь о легализации инцеста пока не идет. Тем не менее, один из самых мощных и значимых запретов на инцест уже находится в первой стадии движения «Окна Овертона», то есть «неприемлемая тема введена в оборот, табу десакрализовано, произошло разрушение однозначности проблемы – созданы “градации серого”» (Горжалдан, URL: <http://zuhel.livejournal.com/465630.html>). Уже одобрен бельгийским парламентом закон о детской эвтаназии, в Нидерландах обсуждается инициатива разрешения эвтаназии здоровым людям. Уже умолкли протесты против усыновления детей однополыми парами, а однополые браки стали чем-то само собой разумеющимся в наиболее «развитых» странах. Что ж, «нарушение табу мстит за себя» (Фрейд, 2005, С. 41), и негативные варианты последствий размытия идентичности не должны сбрасываться со счетов.

Следующая проблема, связанная с трудностями выбора при увеличении количества возможных вариантов, становится практически неразрешимой, когда утверждается, что любое из сделанных решений не будет лучше всех остальных.

Здесь мы сталкиваемся с обратной стороной принципа плюрализма, который на деле оказывается далеко не самым эффективным помощником в реальной жизненной практике. Если общество модерна предлагало человеку некое фиксированное, стандартное меню, в котором рамки возможного выбора вариантов социального поведения были четко прописаны, то постмодерная культура расширяет этот список, делая последний практически бесконечным. Описывая взрывной рост свободы выбора в информационном обществе, М.Дж. Пенн, К.Э. Залесн сравнивают ситуацию во времена начала становления американской государственности с ситуацией в современном обществе. Если во время «Бостонского чаепития» в 1773 году за борт выкинули, наверное, только одну марку чая – «Английский завтрак», то сегодня при инсценировке этого бунта в бухте плавали бы сотни сортов чая – от жасминового без кофеина и мятного марокканского до сладкого тайского. В современном мире нельзя купить даже картофельные чипсы, не выбирая между печеными, жареными, обезжиренными, солеными или с вкусовыми наполнителями, разнообразие которых поражает: барбекю, батат, лук, перец и тому подобное. Мы живем в мире, наполненном вариантами выбора. Почти в каждой сфере жизни у американцев есть большая свобода выбора, чем когда-либо в истории, включая новые виды деятельности, новую еду, новую религию, новые технологии и новые формы общения и взаимодействия. В некотором смысле это триумф «экономики “Старбакса” над “экономикой “Форда”». Если главной идеей Генри Форда было создание конвейерных линий, чтобы достичь единообразного массового потребительства, то, в отличие от этого, «Старбакс» руководст-

вуется идеей, что люди должны выбирать сорт кофе, молока, сахара – чем больше вариантов, тем большее удовольствие от выбора (Пенн, Залесн, 2009). Для Пенна и Залесна реализация максимальной свободы выбора является одной из микротендеций улучшения современного мира.

Но далеко не все разделяют этот оптимизм очарования бесконечностью выбора, если, конечно, это не выбор между сортами чая или цветом газировки. Радикальная реализация принципа плюрализма и, как следствие, культивирования неограниченного выбора не может быть признана достижением информационного общества и постмодерной культуры, которое сделает человека счастливее. Для человека нужный ему выбор не может быть осуществлен в ситуации отсутствия определенных ориентиров, иначе – anything goes – «все годится», и положительные моменты плюрализма оборачиваются непреодолимыми апориями анархизма. Как утверждает П. Козловски, «иметь безграничный выбор столь же плохо, как и не иметь его вовсе, так как не существует прямо пропорциональной зависимости между увеличением возможностей выбора и повышением степени свободы, ведь свобода – это, прежде всего, самостоятельный выбор в пользу самости человека» (Козловски, 1997, С. 84). Да и время жизни довольно быстро течет, чтобы допускать слишком много возможностей, а чересчур большая свобода зачастую оборачивается пустотой. Вспоминаются слова В. Розанова: «свобода есть просто пустота, простор. – Двор пуст, въезжай кто угодно. Он не занят, свободен. – Эта квартира пустует, она свободна. – Эта женщина свободна. У нее нет мужа, и можешь ухаживать. – Этот человек свободен. Он без должности. Ряд отрицательных определений, и “свобода” их все объединяет. – Я свободен, не занят» (Розанов, 1990, С. 338). Простор и пустота, присущая постмодернистской свободе выбора, обуславливает настоятельную необходимость решения проблемы полного выхолащивания смысла при утверждении равноценности всех существующих возможностей. Проблема равнозначности различных ценностных ориентаций фактически делает бессмысленным поиск ориентиров, которые позволили бы прожить индивиду

полноценную, содержательную жизнь, оградив его от бессмысленного блуждания в бесконечном лабиринте дорог. Современный человек подобен покупателю в гигантском супермаркете, который так растерялся среди огромного количества прилавков, товаров, вывесок и продавцов, что позабыл, где выход и не уже в силах понять на мысль о некачественных блюдах. Бесконечность вариантов обесмысливает саму идею выбора. Выбор превращается в игру, человек становится протежем в бесконечности игровых комбинаций текущей идентичности. Именно уравнивание значимости ценностных альтернатив стала основной причиной кризиса идентичности в условиях постмодерной культуры информационного общества.

При бесконечном расширении возможностей выбора, мы оказываемся в ситуации утраты основополагающего принципа, поскольку в отсутствии сколь-нибудь обоснованной иерархии, любой выбор становится случайным и безответственным и, в конечном счете, лишенным смысла. Все смешивается в самых непредсказуемых пропорциях: «по радио слушают регги, в кино смотрят вестерн, на ланч идут в Макдональдс, на ужин – в ресторан с местной кухней, употребляют парижские духи в Токио и носят одежду в стиле ретро в Гонконге...» (Лиотар, 1995, С. 175). Крайности релятивизма, оборачиваются индифферентностью в выборе ценностей. Если «все годится», тогда и «все дозволено», и где гарантии, что предпочтительными станут конструктивные силы, если они находятся в равноправном положении с деструктивными тенденциями? Признавая право на существование различных мировоззренческих позиций, постмодернистская идеология, тем самым, не препятствует и даже способствует формированию фундаменталистских моделей идентичности, в предельном случае порождает условия для взращивания самых радикальных тенденций (Емелин, 2010). Как часто в современном мире, руководствуясь исключительно идеями демократического плюрализма, силами западного мира уничтожались светские диктатуры при помощи радикальных, экстремистских сил.

Вопрос о равнозначности приобретает еще одну другую немаловажную сторону – социально-политическую. Если

исходить из того, что более ни одна парадигма не может претендовать на какой-то выделенный статус, с точки зрения истинности, то споры по поводу притязаний на значимость превращаются в споры по поводу власти. Таким образом, ока-

Простор и пустота, присущая постмодернистской свободе выбора, обуславливает настоятельную необходимость решения проблемы полного выхолащивания смысла при утверждении равноценности всех существующих возможностей. Проблема равнозначности различных ценностных ориентаций фактически делает бессмысленным поиск ориентиров, которые позволили бы прожить индивиду полноценную, содержательную жизнь, оградив его от бессмысленного блуждания в бесконечном лабиринте дорог

зывается прав не тот, кто выдвигает более универсальный аргумент, а тот, кто сильнее в данном пространстве спора. Отсутствие правил ведет к тому, что социальные конфликты могут быть решены лишь с помощью силы, примером таких решений служат конфликты в Югославии, Ираке, Ливии, Йемене, Сирии и Украине. Подход, имплицитно содержащийся в концепции Ж.-Ф. Лиотара, немецкий философ М. Франк охарактеризовал как «социал-дарвинистскую философию языка», проводя аналогию между стихийным утверждением дискурсивных практик и выживанием видов в борьбе за существование (Франк, 1994).

Социально-политические следствия подобных представлений заключаются не только в скрытом инициировании силовых методов. Другая сторона их негативного влияния состоит в том, что они, по сути дела, приводят к практике невмешательства в ход событий – так как из имеющихся возможностей ни одна не является наилучшей, то логичнее смириться с существующим положением дел. Теряется критический дух философии, и творчество постмодернистов уже не так волнует политиков, как идеи экзистенциалистов и представителей Франкфуртской школы – власть предрержащие могут спать спокойно. Импликации постмодернистских положений в политический дискурс приводят к практике неоконсерватизма.

Специфика эпохи постмодерна заключается в том, что она посягает на высшую точку сложности, дальше которой идти просто некуда. А если большей сложности просто уже изобрести нельзя, то, по-

видимому, стремиться нужно к простоте, то есть к устоявшимся, опробованным, а, главное, обозримым и соизмеримым с человеком вещам (Карасев, 1997). В данном контексте речь не идет о том, что нужно отбросить все, что олицетворя-

ет сложность нынешнего технотронного мира, и возвратиться к традиционным понятиям. Мы не можем отмахнуться от всех технологических новаций, трансформирующих идентичность человека, но, в тоже время, необходимо заново обрести внятную систему координат. Лишившись фактически всех опор и устоев, человек остался «один на один в мире, в котором безраздельно властвует гераклитовское «panta rei» (Кусаинов, 2003, С. 79). Поэтому сегодня наблюдается тенденция пересмотра идей тотальной деконструкции и обращения ряда постмодернистских философов к, казалось бы, навсегда оставленным в прошлом Модерна, гуманистическим традициям (Губман, 1997, С. 5–25). Но в возвращаемом в постмодернистской интерпретации гуманизме уже нет места универсальной этике, диктующей определенную модель поведения, скорее, упор делается на гарантированности неприкосновенности общегуманистических ценностей. Постмодернизм всегда сторонился общих идей (если закрыть глаза на общую идею плюрализма), но общечеловеческие ценности – это не общие идеи. Это – конкретные ценности каждого отдельного человека, без которых его личная жизнь теряет смысл. Универсальность их заключается только в том, что они вплетены в жизнедеятельность всех людей, независимо от принадлежности к различным культурам, расам, народам.

Постмодернизм, отвергая универсалии, не может отвернуться от таких универсальных человеческих ценностей, как право на достойную, мирную жизнь, на свободу выражать свои мысли и чувства,

то есть, в конечном счете, выбирать свою судьбу. Осознав то, что нельзя полностью разрывать с гуманистическими традициями, некоторые представители постмодернистской философии обращаются к религиозной проблематике. Так, представители «новой философии» (Б.-А. Леви, Г. Лардро, К. Жамбе и др.) напрямую апеллируют к корпусу идей иудео-христианской традиции, а их «теоретический антигуманизм» на поверку оборачивается апологией гуманистических ценностей,

векторов технологической трансформации идентичности. По сути, мы имеем дело с современным вариантом знаменитого вопроса Дижонской академии наук: «Способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов», на который в 1749 году, Жан-Жак Руссо ответил отрицательно (Руссо, 1961). Сегодня воплощением наук и искусств стали технологии, но вопрос, поставленный в эпоху Просвещения, звучит по-прежнему актуально, вызывая много дискус-

ссии (ТВ, компьютер, смартфон и т.п.), то это может стать причиной сильнейшего стресса и фрустрации.

Завершая обзор постмодернистских апорий, приведем длинную, но очень яркую цитату из «Прозрачности зла» Жана Бодрийяра, выражающую его собственно личный и отчаянный манифест критической мысли техно-постмодернизма, печально названный «После оргии». Осознание его смысла поможет понять змеиный, жалящий себя виток постмодернистской надежды, утопии и, увы, болезни. «Если бы мне надо было дать название современному положению вещей, я сказал бы, что это – состояние после оргии. Оргия – это каждый взрывной момент в современном мире, это момент освобождения в какой бы то ни было сфере. Освобождения политического и сексуального, освобождения сил производительных и разрушительных, освобождения женщины и ребенка, освобождения бессознательных импульсов, освобождения искусства. И вознесения всех мистерий и антимистерий. Это была всеобъемлющая оргия материального, рационального, сексуального, критического и антикритического, оргия всего, что связано с ростом и болезнями роста. Мы прошли всеми путями производства и скрытого сверхпроизводства предметов, символов, посланий, идеологий, наслаждений. Сегодня игра окончена – все освобождено. И все мы задаем себе главный вопрос: что делать теперь, после оргии?» (Бодрийяр, 2012, С. 7). На этот вопрос Бодрийяр хладнокровно отвечает сам себе, в духе разочарованности понимания тотальности симуляции, которая стала стигматом культуры информационного общества: «Нам остается лишь изображать оргию и освобождение, притворяться, что, ускорив шаг, мы идем в том же направлении. На самом же деле мы спешим в пустоту, потому что все конечные цели освобождения остались позади, нас неотступно преследует и мучает предвосхищение всех результатов, априорное знание всех знаков, форм и желаний. Но, что же нам все-таки делать? Мы находимся в состоянии лицедейства и не способны ни на что, кроме как заново разыграть спектакль по некогда написанному в действительности или в воображении сценарию. Это состояние,

Вопрос о жизненных ориентирах в постмодерной действительности выводит на другую задачу: как добиться органичного сочетания технологий информационного общества с духовными, гуманистическими ценностями, выработать действенные механизмы адаптации к ним и не допустить патологических векторов технологической трансформации идентичности

ищущей опору в текстах Ветхого и Нового заветов (там же, С. 209–230). По их мнению, совсем неправомерно отвергать библейские заповеди, которые питали европейскую духовную культуру Средневековья и Нового времени. Отбросив веру, предав забвению Бога, человек на деле не стал свободнее. Как отмечает Б.-А. Леви, «никогда мы не были столь мало свободны, как с того времени, когда мы более не верим» (Levi, P. 108). Приблизительно в том же русле рассуждает П. Козловски, когда придает особое значение религиозному измерению в культуре постмодерна (Козловски, 1997). Он считает, что анархистско-деконструктивистский постмодернизм должен трансформироваться в «постмодерный эссенциализм», который вберет в себя из античного и современного наследия все то, что может быть воспринято в качестве примера, эталона. Да и Мишель Фуко в последние годы своей жизни не случайно обратился к изучению античности в поисках разрешения антиномий постмодерна (Фуко, 1998). Как будто все разом вспомнили Ф.М. Достоевского: «Если бога нет, то какой же я после того капитан?» (Достоевский, 1990, С. 216).

Вопрос о жизненных ориентирах в постмодерной действительности выводит на другую задачу: как добиться органичного сочетания технологий информационного общества с духовными, гуманистическими ценностями, выработать действенные механизмы адаптации к ним и не допустить патологических

векторов технологической трансформации идентичности. По сути, мы имеем дело с современным вариантом знаменитого вопроса Дижонской академии наук: «Способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов», на который в 1749 году, Жан-Жак Руссо ответил отрицательно (Руссо, 1961). Сегодня воплощением наук и искусств стали технологии, но вопрос, поставленный в эпоху Просвещения, звучит по-прежнему актуально, вызывая много дискус-

когда все утопии обрели реальные очертания, и парадокс состоит в том, что мы должны продолжать жить так, как будто этого не было. Но так как утопии все же стали реальностью, мы не можем больше тешить себя надеждой, что нам еще предстоит дать им жизнь. Все что нам остается – тщетные притворные попытки породить какую-то жизнь помимо той, которая уже существует. Мы живем в постоянном воспроизведении идеалов, фантазмов, образов, мечтаний, которые уже присутствуют рядом с нами и которые нам, в нашей роковой безучастности, необходимо возрождать снова и снова» (Бодрийяр, 2012, С. 8). Возьмем на себя смелость продолжить, а что же после оргии? Когда заканчивается оргия, приходят трансвеститы. С искусственными органами. Они же, по мысли Бодрийяра – транссексуалы, трансполитики, трансспортсмены, трансэстеты, трансэкономисты, транспсихологи, трансфилософы и, конечно, трансгумансты, просто ночной клуб плюралистичных трансов. Потом появляется фанатик с естественной бородой и их расстреливает. Затем его в кровавом месиве убивают полицейские, и он попадает в «рай», где его ждут сладкие мучения с неприступными гуриями, существами различных цветов, созданных из шафрана, мускуса, амбры, имеющих прозрачную кожу и тело, усыпанное драгоценностями. Этих желез-

ных девственниц не касался ни человек, ни джинн и они подобны скрытым в раковине жемчужинам, видимо не сможет их коснуться и фанатик. Все что написано, как говорил Ницше, написано кровью. Бодрийяр использовал «медицинские» метафоры: рак, опухоль, метастазы

Сегодняшние реалии предоставляют ученым богатый материал для осмысления и инициирования целого спектра направлений исследований. И вопрос не в том, как будет называться доктрина, которая освоит это поле, вопрос в том, какие идеи будут предложены для того, чтобы, по крайней мере, осмыслить ситуацию, в которой оказался мир, а в лучшем случае – дать рецепты выхода из кризиса идентичности тотально охвативший плюралистичную постмодерную культуру информационного общества

– так он выражал глубину болезни нашего мира благоденствия, который почему-то постоянно лихорадит, и в котором льется кровь. Кровь, как final cut плюрализма симулякров.

Есть расхожее мнение, что постмодернизм представляет собой мировоззрение перманентного кризиса. И с этой точкой зрения трудно не согласиться. Какой бы сферы социокультурной реальности мы не коснулись, везде прослеживается кризисная ситуация. Мировая экономика балансирует на грани бесконечного коллапса, растет внешнее и внутреннее противостояние культур западного типа и исламского фундаментализма, снова вест холодной войной, разрастаются межнациональные конфликты, увеличи-

вается разрыв между богатством и бедностью, традиционные институты семьи и брака дискредитированы, люди все в большей степени впадают в зависимость от своих технологических игрушек. Сегодняшние реалии предоставляют ученым богатый материал для осмысления и

инициирования целого спектра направлений исследований. И вопрос не в том, как будет называться доктрина, которая освоит это поле, вопрос в том, какие идеи будут предложены для того, чтобы, по крайней мере, осмыслить ситуацию, в которой оказался мир, а в лучшем случае – дать рецепты выхода из кризиса идентичности тотально охвативший плюралистичную постмодерную культуру информационного общества.

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 17-06-00849 «Мотивационные и когнитивно-аффективные факторы формирования идентичности».

Литература:

- Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. – Москва, 2012.
- Велш В. Постмодернизм в искусстве и философии и его отношение к технологической эпохе // На путях постмодернизма. – Москва : ИНИОН РАН, 1995. – С. 168–184.
- Галкин Д.В. Жан Бодрийяр // История философии. Энциклопедия / под ред. А.А. Грицанова. – Минск, 2002. – С. 121.
- Горжалцан Е. Технология уничтожения. (14 января 2014). [Электронный ресурс] // Livejournal : [сайт]. URL: <http://zuhel.livejournal.com/465630.html> – (дата обращения 18.10.2016).
- Губман Б.Л. Западная философия культуры XX века. – Тверь : Леан, 1997.
- Достоевский Ф.М. Бесы // Ф.М. Достоевский Собрание сочинений в 15 тт. Т. 7. – Ленинград, 1990.
- Емелин В.А. Лабиринты постмодернизма: идентификация ускользающего смысла // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2010. – № 3. – С. 65–75.
- Емелин В.А. Терроризм как радикальная реакция на кризис идентичности // Национальный психологический журнал. – 2010. – № 2(4). С. – 47–51.
- Инцест – социальная традиция Норвегии? [Электронный ресурс] // Русь-фронт: информационный православный вестник : [сайт]. URL: <http://www.rusfront.ru/5676-incest-socialnaya-tradiciya-norvegii.html> – (дата обращения 18.10.2016).
- Карасев Л.В. Сегодня и завтра. Постмодернизм и культура. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. – 1997. – № 12. – С. 15–27.
- Козловски П. Культура постмодерна. – Москва : Республика, 1997.
- Кудряшов Н.Н. и др. «Любим – не любим ...» (Несколько заметок в защиту постмодернизма) // Корпус-3 – Электронная версия. – Режим доступа : http://www.33plus1.ru/Decor/Fine_Monumental_Art/ARTICLE/KORPUS3.htm (дата обращения 31.08.2016)
- Курицын В.Н. Время множить приставки. К понятию постпостмодернизма // Октябрь. – 1997. – № 7. – С. 179–183.

- Кусаинов А.А. Французская «Новая философия» и культура постмодерна. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2003.
- Лиотар Ж.-Ф. Ответ на вопрос: что такое постмодерн? // На путях постмодернизма. Москва: Инион РАН, 1995. – С. 168–84.
- Маньковская Н.Б. От модернизма к постпостмодернизму: via постмодернизм // Коллаж-2 : социально-философский и философско-антропологический альманах. – Москва : ИФ РАН, 1999. – С. 18–25.
- Пенн Дж.М., Залесн Э.К. Микротенденции. Маленькие изменения, приводящие к большим переменам. – Москва, 2009.
- Пятерка животных, которые баллотировались на пост мэра... и выиграли! [Электронный ресурс] // Моя копилка интересного интернета : [сайт]. URL: <http://www.kukharski.net/interesting/pyaterka-zhivotnyx-merov.html> (дата обращения 31.08.2016)
- Розанов В.В. Опавшие листья. Короб второй и последний // В.В. Розанов О себе и жизни своей. – Москва, 1990. – С. 338.
- Руссо Ж.Ж. Рассуждение об искусствах и науках / Ж.Ж. Руссо Избранные сочинения. В 3 тт. Т. 1. – Москва, 1961. – С. 47–48.
- Соловьев А.В. Динамика культуры информационной эпохи. – Рязань, 2009.
- Талеб Н. Диктатура меньшинства (перевод отрывка из черновика новой книги Нассима Талеба). [Электронный ресурс] // «Спутник и погром» : [сайт]. URL: <http://sputnikpogrom.com/society/59789/minority-wins/#.WAdPNmckqUk> (дата обращения 18.10.2016)
- Турбина Е.Г. Посттоталитарная культура: «все дозволено» или «ничего не гарантировано»? // Вопросы философии. – 1993. – №3. – С. 23–28.
- Франк М. Политические аспекты нового французского мышления // Логос. – 1994. – № 6. – С. 323–326.
- Фрейд З. Тотем и табу. – Санкт-Петербург, 2005.
- Фуко М. История сексуальности-III: Забота о себе. – Киев : Дух и литера, Грунт; Москва : Рефл-бук, 1998. – 288 с.
- Эпштейн М.Н. Прото-, или конец постмодернизма // Знамя. – 1996. – № 3. – С. 196–209.
- Юрасовская Н.М. Постмодернизм ли? // Национальные традиции и постмодернизм: живопись и скульптура 1960–1980-х годов в СССР. – Москва : ГТГ, 1993. – С. 14–33.
- Levi B. H. Le testament de Dieu. P., Grasset, 1979.
- Sex in Australia: The Australian study of health and relationships, Australian Research Centre in Sex, Health and Society // Published as the Australian and New Zealand Journal of Public Health, 2003, vol 27 no 2.
- Welsch W. Die Postmoderne in Kunst und Philosophie und ihr Verhältnis zum technologischen Zeitalter // Technologisches Zeitalter oder Postmoderne. München: Fink, 1998. P. 36–72.

References:

- Baudrillard, J. (2012) Transparency of Evil. Moscow.
- Emelin, V.A. (2010) Labyrinths of postmodernism: identification of elusive meaning. [Nauchnyy informatsionno-analiticheskiy, kul'turno-prosvetitel'skiy zhurnal Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom], 3, 65–75.
- Emelin, V.A. (2010) Terrorism as a radical reaction to the identity crisis. National Psychological Journal, 2, 47–51.
- Epstein, M.N. (1996) Proto-or the end of postmodernism. [Znamya], 3, 196–209.
- Five animals that ran for the post of mayor ... and won! [Moya kopilka interesnogo interneta]. Retrieved from: <http://www.kukharski.net/interesting/pyaterka-zhivotnyx-merov.html> (Accessed: August 31, 2016)
- Frank, M. (1994) Political aspects of the new French thinking. [Logos], 6, 323–326.
- Freud, S. (2005) Totem and the Taboo. St. Petersburg.
- Foucault, M. (1998) The history of sexuality-3: Taking care of oneself. Kiev, Dukh i litera, Grunt; Moscow, Refl-buk, 288.
- Galkin, D.V. (2002) Jean Baudrillard. [Istoriya filosofii. Entsiklopediya], Minsk, 121.
- Gorzalkan, E. The technology of destruction. (January 14, 2014). Retrieved from: <http://zuhel.livejournal.com/465630.html> (accessed: October 18, 2016).
- Gubman, B.L. (1997) Western philosophy of culture of the twentieth century. Tver', Lean.
- Dostoevsky, F.M. (1990) The Possessed. Collected Works in 15 vols. Vol. 7. Leningrad.
- Is incest the social tradition of Norway? [Rus'-front: informatsionnyy pravoslavnyy vestnik] Retrieved from: <http://www.rusfront.ru/5676-incest-socialnaya-tradiciya-norvegii.html> (accessed: 18.10.2016).
- Karasev, L.V. (1997) Today and tomorrow. Postmodernism and culture. Proceedings of the «round table». [Voprosy filosofii], 12, 1527.
- Kozlowski, P. (1997) Culture of postmodernity. Moscow, Respublika.
- Kudryashov, N.N. And others. «We love – we do not love ...» (A few notes in defense of postmodernism). [Korpus 3]. Retrieved form: http://www.33plus1.ru/Decor/Fine_Monumental_Art/ARTICLE/KORPUS3.htm (Accessed: August 31, 2016)
- Kuritsyn, V.N. (1997) Time to multiply the console. To the concept of post-postmodernism. [Oktyabr'], 7, 179–183.
- Kusainov, A.A. (2003) «New French Philosophy» and the culture of postmodernity. Volgograd, Izdatel'stvo VolGU.
- Levi, B. H. (1979) Le testament de Dieu. P., Grasset.
20. Lyotard, J.-F. (1982) Reponse a la question: Qu'est ce que le postmoderne? Critique. Para, 357–367.
- Man'kovskaya, N.B. (1999) From modernism to post-postmodernism: via postmodernism. [Kollazh-2: sotsial'no-filosofskiy i filosofsko-antropologicheskiy al'manakh]. Moscow, IF РАН, 18–25.
- Penn, J.M., & Zalesn, E.K. (2009) Microtension. Small changes that lead to big changes. Moscow.
- Rozanov, V.V. (1990) Fallen leaves. The second and last box. Moscow, 338.

- Rousseau, J.J. (1961) Discourse on the arts and sciences. Selected works. In 3 vols. Vol. 1. Moscow, 47–48.
- (2003) Sex in Australia: The Australian study of health and relationships, Australian Research Centre in Sex, Health and Society. Published as the Australian and New Zealand Journal of Public Health, Vol. 27, 2.
- Soloviev, A.V. (2009) Dynamics of culture of the information age. Ryazan.
- Taleb, N. The dictatorship of the minority (translation of the excerpt from the draft of a new book by Nassim Taleb). [*«Sputnik i pogrom»*]. Retrieved from: <http://sputnikpogrom.com/society/59789/minority-wins/#.WAdPNmckqUk> (Accessed: 18.10.2016)
- Turbina E.G. (1993) Post-totalitarian culture: «everything is allowed» or «nothing is guaranteed»? [Voprosy filosofii], 3, 23–28.
- Yurasovskaya, N.M. (1993) Is it Postmodernism? [*Natsional'nye traditsii i postmodernizm: zhivopis' i skul'ptura 1960–1980-kh godov v SSSR*]. Moscow, GTG, 14–33.
30. Welsch, W. (1998) Die Postmoderne in Kunst und Philosophie und ihr Verhältnis zum technologischen Zeitalter. *Technologisches Zeitalter oder Postmoderne*. München, Fink, 36–72.
- Welsch, W. (1995) Postmodern art and philosophy and its relation to the technological epoch. [*Na putyakh postmodernizma*]. Moscow, INION RAS, 168–184.